

Литература

1. Агацци, Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. – 2009. – №1. – С. 40–52.
2. Поппер, К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 65–75.
3. Кун, Т. Структура научных революций с вводной статьей и дополнением 1969 г. – М., 1977.
4. Кун, Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки. Хрестоматия / состав. А.А. Печенкин. – М., 1994. – С. 37–38.
5. Лаудан, Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С. 295 – 342.

АКСИОЛОГИЯ БЕСПЕРСПЕКТИВНА

А.Б. Демидов

Аксиология выдохлась. Расцвет аксиологического системосозидания пришёлся на конец XIX и первую треть XX веков. С тех пор поток публикаций о ценностях не убавился, однако претензии на фундаментальную новизну идей стали скромнее. Похоже, эвристический потенциал аксиологии близок к исчерпанию.

Возможно, угасание новаторского энтузиазма в аксиологии обусловлено переменами в стиле мышления новых поколений философов, а именно отходом от субъект-объектной парадигмы, специфичной для Нового времени. Такое допущение сделал Ю. В. Перов: «не только пик влияния “философии ценностей”, но и сама она в целом принадлежат уже прошедшей эпохе философствования» [1, с. 117].

Не слишком обнадеживающим представляется состояние аксиологии В. К. Шохину. Он констатировал «наличие не только не решенных, но даже и не рассмотренных проблем, связанных с её “теоретическим каркасом”, а также методологический хаос, который царит в дефинициях самого понятия “ценности”, равно как и в определении места аксиологии в общей структуре философского дискурса» [2, с. 10].

Смутность понятия ценностей отметил немецкий автор Я. Нилбок. В своём исследовании под названием «Что такое ценности?», он деликатно заметил, что «в философии, несмотря на все усилия, не всегда ясно, о чём в точности идёт речь, когда говорится о “ценностях”». [3, S. 5] Тем не менее, в заключении он выразил уверенность, что в философии ценностей «ещё сохраняется огромный исследовательский потенциал» [3, S. 31].

В своём обширном исследовании почти с таким же названием «Что такое ценность?» американский философ-аналитик Э. У. Холл пришёл к выводам, далёким от оптимизма, и выразил «серьезное и честное сомнение, есть ли вообще такая вещь, как ценность» [4, p. viii].

К числу критиков аксиологии принадлежал М. Хайдеггер, который, как и Ф. Ницше, считал, что «ценность» есть лишь «точка зрения», а «речь о “ценностях в себе” есть либо безмыслие, либо фальшивая монета, либо то и другое вместе» [5, с. 98]. Скепсис по отношению к понятию ценности высказывали многие видные сторонники аналитической философии: Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Дж. Мур и др. Довольно эмоционально высказался об этических ценностях Ф. Вайсманн: «...всей этой болтовне об этике — имеется ли познание, имеются ли ценности, можно ли определить добро, etc. — приходит конец. В этике всегда пытаются сказать нечто, что не имеет отношения к сущности вещей и никогда не сможет иметь к ним отношение. *Apriori* достоверно: то, что всякий раз выдают за дефиницию добра, всегда лишь недоразумение...» [6, с. 54]

Несмотря на выступления скептиков и критиков, аксиология ещё сохраняет вид состоятельности и значимости. Но кажущаяся респектабельность способна очаровывать тех, кто недостаточно близко с нею знаком. Социологи, культурологи, историки, психологи, этики, искусствоведы — практически все, кто причастен теоретически или практически к социально-гуманитарным познаниям, ещё могут надеяться, что если они не вполне понимают смысл термина «ценности», то всё же есть аксиологи, которые знают, о чём говорят. Сохраняется вера в возможность основывать на аксиологическом фундаменте этические, эстетические, экономические, социальные, культурологиче-

ские и прочие теории. Но дело в том, что сама аксиология опирается на призрачное и неопределимое понятие ценности.

Попытки исправить коренной дефект аксиологии всё же не прекращаются. Так, вышеупомянутый В. К. Шохин предложил в качестве альтернативы дискурсу о «безличностно-ценном», который стал западнёй для классической аксиологии, развивать персоналистическую аксиологию. «Суть этой смены парадигм может состоять в персоналистском переосмыслении самого субъекта ценностного мира» [2, с. 75].

В своей версии исцеления аксиологии А. А. Ивин для определения понятия ценности постулировал, что ценность, как и истина, является не свойством предмета, а «*отношением* между мыслью и действительностью» [7, с. 8]. Таким способом как будто получается, что ценность не локализуется либо на стороне объекта, либо на стороне субъекта, но пребывает в их соотношении. И далее выводится дефиниция: «истина — это соответствие мысли своему объекту, позитивная ценность (добро) — соответствие объекта мысли о нем» [7, с. 11]. Впору воскликнуть: «ларчик просто открывался!» Но если ценностью называют *отношение* субъекта к объекту, то речь идёт фактически уже не о ценности, а об оценке, которая и есть ценностное (или оценивающее) отношение субъекта к объекту. Здесь смешиваются два понятия, на различении которых так настаивали неокантианцы.

Понятие ценности неисцелимо. Произнося слово «ценность», мы уже подразумеваем нечто пред-стоящее перед нами, особое, наличествующее «само по себе» и лишь дающее нам ценить, оценивать его. Так называемые «ценности» как бы актуализируются в наших актах оценивания, существуя всё же и без наших оценок «сами по себе». Но как только мы перестаём оценивать предмет и начинаем изучать его объективными эмпирическими методами, то никаких ценностей мы в предмете не находим — перед нами только он сам как факт. В чём тут фокус? А фокус в том, что никаких ценностей в качестве чувственно воспринимаемых вещей или скрытых, незримых «сущностей» вовсе нет. Но есть или действительные вещи во плоти, или представляемые умом и воображением предметы, которые мы оцениваем, т. е. определяем их значение и степень важности. Существуют не «ценности», а вещи или предметы, которые мы оцениваем и ценим. Но это означает, что ценность является производной от оценивания, а не наоборот, как склонны считать аксиологи-«объективисты».

Кстати, Г. Лотце, определивший «ценности» как значения/значимости (*Geltung*), и последовавшие за ним неокантианцы сделали ошибку. В принципе, значимо всё, с чем мы имеем дело, но не всё является ценным. Понятие «значимости» по своему объёму шире, чем понятие «ценности». Можно сказать, что «ценность» — разновидность «значимости», но тогда «ценность» не есть предельно общее понятие, не подводимое ни под какое другое, как полагают некоторые.

Если признать, что «ценностей» как таковых нет, то это означает, что аксиология, поскольку она основывается на «ценностях» как базовом понятии, не подлежит исцелению никакими уточнениями понятия «ценностей» и не имеет перспективы в качестве направления научных исследований. И всё же в действительности существуют и постоянно совершаются нами *акты оценивания*. Они генетически (исторически) предшествуют «ценностям»; иначе говоря, они первичны, а «ценности» как социально легитимированные нормы вторичны. Действительно плодотворной и состоятельной должна стать иная наука — не о «ценностях», а об актах оценивания. Наречь её можно именем «эстиматика» (от лат. *aestimatio* — оценивание).

Сотворив себе понятие «ценностей», аксиология сама создала камень, который она не может поднять. Разве это не сизифов труд?

Литература

1. Перов, Ю.В. Историчность и историческая реальность. — СПб., 2000.
2. Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В.К. Шохин. — М., 2006.
3. Nilbock, J. Was sind Werte? Philosophische Grundlagen zur Wertedebatte / Jan Nilbock. — München, 2007.
4. Hall, E. W. What is value? An essay in philosophical analysis / Everett Wesley Hall. — N. Y., 1952.
5. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / Мартин Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. — М., 1993. — С. 63–176.

6. Вайсманн, Ф. Людвиг Витгенштейн и венский кружок /Фридрих Вайсманн// Аналитическая философия: становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. — М., 1998. — С. 44-69.
7. Ивин, А.А. Аксиология: науч. изд. — М., 2006.

ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В АНТРОПОЛОГИИ ВСЕЕДИНСТВА

Н.Г. Севостьянова

Аподиктическим основанием философско-антропологических исследований выступают общенаучные логические методы познания. К этим методам прибегают и философы, которые рассматривают человека как существо метафизическое в различных проекциях сущего.

Отмечая интегративный характер духовного опыта, в котором осуществляется синтез знания и переживания, концентрация всех человеческих сил и способностей, философы разных направлений отмечают, что *homo sapiens*, он же *homo moralis*, полагает мышление в основу всех своих действий, но при этом метафизическая потребность к трансцендированию, к выходу за пределы своей природной сущности и эгоистической ограниченности, составляет одну из предпосылок нравственности, делает саму нравственность возможной.

Такая установка была реализована в русской философии Серебряного века и, в частности, в *метафизике* (антропологии, логике) *всеединства*, которая отличается формальной строгостью наряду с идеалом живого знания — содержит *проективную* методологию философско-антропологических исследований. Раскрытые в ней концептуальные основания познания человека духовного *актуальны* и для современных стратегий изучения человека во всем многообразии его сущностных воплощений.

Проективную методологию антропологических исследований, в которой совмещаются различные дискурсы и проводится принцип всеединства («единства множественности»), органической целостности мирового бытия, содержат системы русских мыслителей В.С. Соловьева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, а также братьев Трубецких С.Н. и Е.Н., В.Ф. Эрн, Л.М. Лопатина, А.Ф. Лосева.

Основными методами изучения проблемы человека выступают положительная диалектика (В.С. Соловьев), трансрациональность (С.Л. Франк), трансцендентно-имманентный метод (С.Н. Булгаков), интуитивная дискурсия (П.А. Флоренский), самоподобие (Л.П. Карсавин), интуитивизм (Н.О. Лосский), апологетика (Е.Н. Трубецкой).

В.С. Соловьев изучает человека метафизического с помощью *метода положительной диалектики*, которая составляет оппозицию рационалистической диалектике и позволяет рассмотреть противоречия сущего, сущности и существования в жизни человека. При этом система положительных, а не отвлеченных начал бытия раскрывается ученым в живой и конкретной целостности, в единстве нравственно-религиозного опыта. Способ разрешения любого противоречия в антропологическом учении В.С. Соловьева — проективный, потому что сущее имеет лишь проекции в бытии, связь которых с сущим неясна и неполна. Антиномии в рассматриваемом знании показывают наличие в разуме сверхразумного начала.

Метод трансрациональности прямо или косвенно используется всеми разработчиками проективной методологии в антропологии всеединства. Трансрациональность раскрывается, по мысли С.Л. Франка, автора данного термина, «в единстве рациональности и иррациональности». При этом «противоречиво пытаться определить трансрациональное» или непостижимое по существу, оно «просвечивает» сквозь рациональное и является «чистым даром»; не доказывается, а показывается и переживается в живом опыте и созерцании. «Непостижимое постигается через постижение его непостижимости». Метод трансрациональности позволяет рассмотреть *самореферентное знание* о человеке духовном, которое отличается содержательной полнотой и формальной неполнотой. Это «умудренное неведение» означает незнание, осознавшее само себя, и знание, познающее через незнание. В таком неведении исчезают антиномии мышления и появляется интеллектуальное смирение, далекое от критических настроений. Умудренное неведение является живым